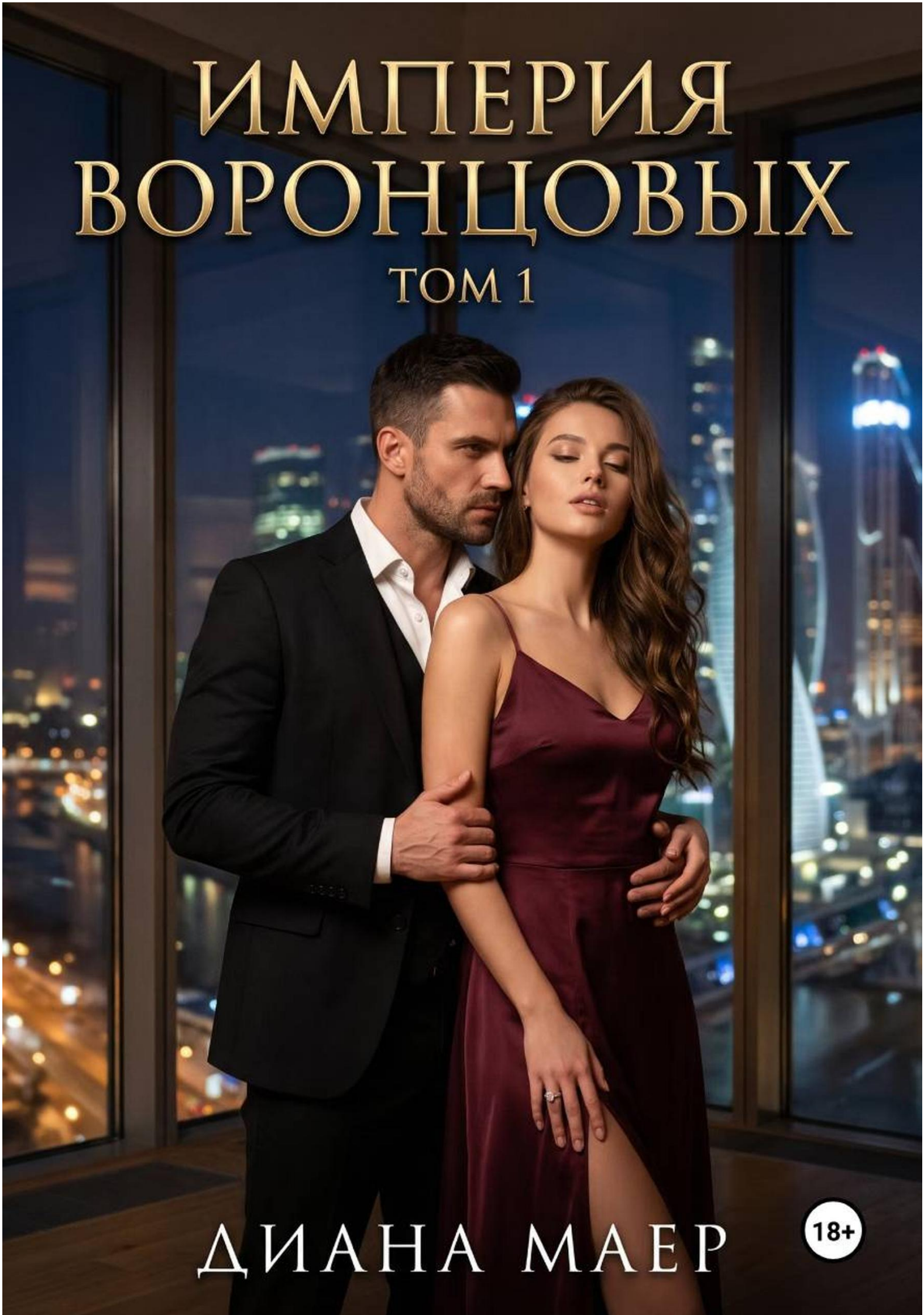
ИМПЕРИЯ ВОРОНЦОВЫХ

ТОМ 1

ДИАНА МАЕР

18+

Диана Маер

Империя Воронцовых. Том 1

«Автор»
2026

Маер Д.

Империя Воронцовых. Том 1 / Д. Маер — «Автор», 2026

Мой отец мертв. Наша империя на грани краха, а единственный человек, способный её спасти — Демьян Воронцов. Жестокий, безжалостный хищник, который привык брать всё силой.Он ненавидит мою семью. Я презираю его методы. Но тайна в завещании его отца ставит нас обоих на колени: чтобы сохранить миллиардный холдинг, Демьян обязан жениться на мне.У нас есть ровно год под одной крышей. Для него я — враг в собственной спальне и разменная монета. Для меня он — монстр, которого я поклялась уничтожить изнутри.Я думала, что смогу устоять перед его темной властью. Я не учла одного: когда ненависть закипает в крови, грань между войной и безумной страстью стирается дотла.

© Маер Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крах и ультиматум 5
Глава 2. Завещание 8
Глава 3. Сделка с дьяволом 11
Глава 4. Брачный контракт 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Диана Маер
Империя Воронцовых. Том 1

Глава 1. Крах и ультиматум

Алина

Дождь в ноябрьской Москве всегда пахнет мокрым асфальтом, бензином и безысходностью. Я стояла под черным зонтом на краю свежей могилы и смотрела, как тяжелые комья земли с глухим стуком падают на крышку лакированного гроба.

Мой отец ушел. Просто не выдержало сердце. Врачи сказали — обширный инфаркт, мгновенная смерть, он даже не успел ничего понять. Но я знала правду. Его убили. Убили не пулей и не ядом, а сухими цифрами в банковских выписках, рейдерскими захватами и предательством тех, кого он годами считал друзьями.

— Алина, пойдем в машину, ты вся дрожишь, — тихо позвал мой младший брат Тим, осторожно касаясь моего плеча.

Ему всего девятнадцать, но за последние три дня он словно постарел на десять лет. Под глазами залегли темные тени, скулы заострились. Теперь у нас друг у друга остались только мы сами.

— Сейчас, Тим. Еще минуту, — прошептала я, сглатывая ледяной ком в горле.

Я запретила себе плакать на людях. Слишком много стервятников собралось сегодня на Троекуровском кладбище. Бывшие партнеры отца, чиновники, журналисты светской хроники — все они пришли не проститься, а убедиться, что Андрей Савин действительно мертв, и прикинуть, какой кусок его строительной компании можно урвать подешевле.

Я развернулась и пошла по мокрой брусчатке к выходу, высоко подняв подбородок. Черное кашемировое пальто плотно облегало фигуру, темные очки скрывали покрасневшие глаза. Никто из этих шакалов не увидит моей слабости.

У кованых ворот кладбища уже выстроилась вереница дорогих иномарок. Но одна машина выделялась даже на фоне этого парада тщеславия. Матово-черный «Майбах» с глухой тонировкой и правительственными номерами стоял чуть в стороне, словно хищный зверь, лениво наблюдающий за стадом.

Дверь автомобиля бесшумно открылась.

Сначала на мокрый асфальт опустился идеально начищенный туфель из крокодиловой кожи. Затем из салона вышел мужчина.

Он был высоким — под метр девяносто, широкоплечим, в безупречно скроенном черном пальто, наброшенном поверх дорогого костюма-тройки. Без зонта. Капли ледяного дождя падали на его короткие темные волосы, стекали по резким, словно высеченным из гранита скулам, застревали в легкой щетине.

У меня перехватило дыхание, а по спине пробежал неприятный, обжигающий холод.

Демьян Воронцов.

Наследник и новый единоличный глава «Воронцов-Групп» — крупнейшего финансово-промышленного холдинга страны. Человек, чье имя в деловых кругах произносили шепотом, с смесью страха и восхищения. Безжалостный волк, который за последние полгода сожрал компанию моего отца, скупив все наши долги и перекрыв кислород по всем госконтрактам.

Охрана мгновенно расступилась перед ним, образуя живой коридор. Люди вокруг замерли, провожая его взглядами.

Воронцов не пошел к могиле. Он направился прямиком ко мне.

Его взгляд — тяжелый, стальной, пронзительный — впился в меня сквозь стекла моих темных очков так, словно он видел меня насквозь. В этих серых, почти прозрачных глазах не было ни капли сочувствия. Только холодный расчет и темная, пугающая власть.

— Что ты здесь забыл, Воронцов? — мой голос прозвучал звонко и резко, разрезая тишину. Я сделала шаг вперед, загораживая собой брата. — Пришел полюбоваться на дело своих рук?

Он остановился в полуметре от меня. От него пахло дорогим табаком, озоном и мужским парфюмом с терпкими нотами кожи и кедра. Запах силы и опасности. Он нависал надо мной, подавляя своим ростом и тяжелой энергетикой, от которой внутри все сжималось в тугой узел.

— Сними очки, Алина, — негромко произнес он. Голос у него был низкий, с легкой хрипотцой, от которой по коже против воли побежали мурашки. — Я люблю смотреть в глаза тем, с кем веду дела.

— У нас с тобой нет никаких дел. И быть не может. Убирайся с похорон моего отца.

Уголок его губ дрогнул в усмешке — жесткой, лишенной тепла. Он медленно поднял руку и, прежде чем я успела отшатнуться, двумя пальцами снял с меня очки. Его пальцы едва коснулись моих висков, но кожу словно обожгло разрядом тока.

Я замерла, глядя на него снизу вверх с неприкрытой ненавистью.

— Красивая, — лениво протянул Демьян, скользя взглядом по моему лицу, задерживаясь на губах, затем на тонкой шее. — Жаль, что такая глупая.

— Ты пожалеешь об этих словах, — прошипела я, сжимая кулаки в карманах пальто.

— Вряд ли, — он наклонился чуть ближе, так что я почувствовала тепло его дыхания на своей щеке, и понизил голос, чтобы слышала только я: — А вот ты пожалеешь уже завтра утром. Твой отец задолжал «Воронцов-Групп» четыре миллиарда рублей, Алина. Срок выплаты истек вчера.

У меня похолодело внутри, но я не дрогнула.

— Забирай компанию. Забирай офисы, технику, счета. Ты и так уже всё разграбил!

— Активы твоей компании не покрывают и половины долга, — жестко отрезал он. — Поэтому завтра в десять утра судебные приставы опечатают ваш загородный дом в Барвихе. А заодно — квартиру на Патриарших. Ты и твой братец останетесь на улице с одним чемоданом.

— Ты не посмеешь... Это наш семейный дом! Там вещи мамы!

— Я уже всё решил, — его взгляд потемнел, став похожим на грозовое небо. — Но я человек деловой. И готов дать тебе шанс спасти крышу над головой.

— Какой еще шанс? — выдохнула я, чувствуя, как сердце бешено колотится о ребра.

Демьян выпрямился, снова надевая маску непроницаемого ледяного короля. Он достал из внутреннего кармана пальто черную матовую визитку с золотым тиснением и вложил ее прямо в мою ладонь, сжав мои пальцы своей горячей, сильной рукой.

— Сегодня. Ровно в восемь вечера. Башня «Федерация», шестьдесят пятый этаж, — отчеканил он, не выпуская мою руку. Его большой палец медленно, почти интимно провел по костяшкам моих пальцев, вызывая во мне волну ярости и странного, пугающего жара. — Опоздаешь хоть на минуту — завтра будешь ночевать на вокзале.

Он разжал пальцы, развернулся и широким, уверенным шагом пошел обратно к своему «Майбаху». Через секунду черный автомобиль бесшумно тронулся с места и скрылся за поворотом.

Я осталась стоять под проливным дождем, сжимая в руке его визитку так сильно, что острые края впивались в ладонь.

— Алина, что он сказал? — Тим подошел ближе, с тревогой заглядывая мне в лицо. — Что ему нужно?

Я медленно подняла взгляд на серое московское небо. Внутри меня закипала ледяная, обжигающая решимость. Если этот дьявол думает, что я приползу к нему на коленях и буду умолять о пощаде — он сильно ошибается.

— Ничего особенного, Тим, — тихо ответила я, пряча визитку в карман. — Просто сегодня вечером мне предстоит встреча с дьяволом. И я собираюсь заставить его играть по моим правилам.

Глава 2. Завещание

Демьян

Москва внизу напоминала гигантскую, заляпанную грязью шахматную доску. С высоты шестьдесят пятого этажа башни «Федерация» пробки на Садовом кольце казались медленным движением муравьев, а серые тучи висели так низко, что, казалось, их можно потрогать рукой через панорамное стекло.

Я стоял у окна, медленно вращая в пальцах тяжелый хрустальный стакан с односолодовым виски, и чувствовал, как в груди закипает глухая, тяжелая ярость.

До сих пор перед глазами стояло ее лицо.

Алина Савина. Двадцать четыре года. Тонкая, как натянутая струна, гордая, словно королева на эшафоте, и красивая какой-то дикой, породистой красотой, от которой у любого нормального мужчины мгновенно срывает тормоза. Когда я снял с нее эти черные очки на кладбище, меня словно ударило током. Огромные, цвета темного янтаря глаза, пылающие чистой, концентрированной ненавистью. Ни слезинки. Ни мольбы о пощаде. Только вызов.

«Ты пожалеешь об этих словах, Воронцов».

Уголок моих губ дернулся. Наивная девчонка. Она даже не представляет, в какую мясорубку попала и сколько мне самому стоит этот спектакль.

Тяжелая дубовая дверь кабинета бесшумно открылась, и на пороге появился мой средний брат Кирилл. Как всегда — в идеальном черном костюме, с ледяным лицом человека, который заведует службой безопасности империи и привык видеть в каждом встречном потенциального врага.

— На Троекуровском всё прошло тихо, — без предисловий бросил Кирилл, опускаясь в кожаное кресло напротив моего стола. — Пресса покрутилась у ворот, но близко не подошла. А вот твой выход к дочери Савина уже разлетелся по закрытым телеграм-каналам. Завтра об этом будут шептаться в каждом кабинете от Кремля до Сити.

— Мне плевать, кто и о чем будет шептаться, — отрезал я, делая глоток обжигающего виски. — Что по младшему Савину?

Кирилл усмехнулся — коротко и жестко:

— Как ты и приказал. Тимур Савин влип по полной. На прошлой неделе его «дружки» подбросили ему в багажник спорткара крупную партию запрещенки. Дело уже у следователя, санкция на арест готова. Если завтра утром мы не дадим отмашку, мальчик уедет в СИЗО лет на восемь. А там с его фамилией и внешностью он и месяца не протянет.

Я кивнул, глядя в темное стекло. Жестоко? Да. Грязно? Безусловно. В бизнесе, где на кону стоят сотни миллиардов, белых перчаток не носят. Либо ты рвешь глотку первым, либо завтра тебя самого разорвут на куски.

— Хорошо, — глухо произнес я. — Держите дело на паузе до полуночи. Но как только я скажу — чтобы оно исчезло так, будто его и не было.

Кирилл прищурился, буравя меня тяжелым взглядом. Он был единственным человеком, перед которым я не носил броню, но даже ему я не мог сказать всей правды.

— Объясни мне, Демьян, зачем тебе эта девчонка? — негромко спросил брат. — Мы уже забрали компанию Савина за долги. Завтра приставы вышвырнут их из Барвихи. Зачем ты лично поехал на кладбище и назначил ей встречу? Если тебе нужна красивая игрушка в постель — в Москве тысячи моделей, которые сами выстроятся в очередь.

Я повернулся к нему, медленно подошел к столу и бросил на полированную поверхность тяжелую синюю папку с сургучной печатью.

— Затем, что наш дорогой отец перед смертью решил сыграть с нами в русскую рулетку, Кирилл.

Брат нахмурился, раскрыл папку и пробежал глазами по строчкам завещания Максима Воронцова, вскрытого нотариусом три дня назад. По мере того как он читал, его скулы каменели, а взгляд становился все темнее.

— Что это за бред?! — Кирилл с грохотом захлопнул папку. — Контрольный пакет акций «Воронцов-Групп» переходит в трастовый фонд на год... И ты получишь право единоличного голоса только при условии, что в течение двух недель женишься на Алине Андреевне Савиной и проживешь с ней в официальном браке не менее двенадцати месяцев?! Старик окончательно выжил из ума перед смертью?!

— Нет, — ледяным тоном ответил я, опираясь руками о край стола. — Отец был в здравом уме. И он знал, на что давит. Если я не выполню это условие до конца месяца, контрольный пакет автоматически дробится и уходит на открытые торги. А там наши акционеры сожрут нас с потрохами за сорок восемь часов. Вся империя, которую мы строили двадцать лет, рухнет.

Кирилл медленно откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы в замок.

— Какого черта старик привязал тебя к дочери человека, которого сам же велел разорить полгода назад? Что связывало Максима Воронцова и Андрея Савина?

— Это ты и должен выяснить, — жестко приказал я. — Перерой все архивы отца, подними его старые счета за девяностые, проверь каждый его шаг. Я должен знать, почему он поставил на кон всю нашу империю ради этой девчонки.

— А ты? — Кирилл криво усмехнулся. — Ты правда собираешься тащить эту дикую кошку в ЗАГС и терпеть ее в своем доме целый год? Она же тебя во сне задушит, Демьян. Я видел, как она на тебя смотрела.

В памяти снова всплыли ее упрямо сжатые губы, гордый изгиб шеи и то, как вздрогнула ее рука в моей ладони, когда я провел большим пальцем по ее коже. Внутри снова разлилось странное, хищное тепло, от которого сводило челюсти.

— Пусть попробует, — тихо, с опасной хрипотцой произнес я. — У меня большой опыт укрощения строптивых. Через неделю она будет есть у меня с рук. А через месяц сама забудет, как ее звали до свадьбы.

Настенные часы в кабинете мелодично пробили восемь вечера.

Ровно в ту же секунду на моем столе мягко замигал селектор внутренней связи. Голос секретаря прозвучал безупречно вежливо:

— Демьян Максимович, к вам Алина Андреевна Савина. Пропускать?

Я посмотрел на Кирилла. Брат молча поднялся, поправил пиджак и направился к боковому выходу из кабинета, бросив через плечо:

— Удачи, брат. Похоже, этот год будет жарким.

Дверь за ним закрылась. Я допил остатки виски, поставил пустой стакан на стол и нажал кнопку селектора:

— Впустите.

Через несколько секунд тяжелые створки дверей распахнулись, и в кабинет вошла она.

Алина сняла черное пальто в приемной. Сейчас на ней было строгое закрытое платье из плотного черного шелка, подчеркивающее каждый изгиб ее тонкой, точеной фигуры. Никаких украшений, бледное лицо без капли косметики, высоко собранные темные волосы, из которых выбилась одна непослушная прядь, и глаза — горящие, полные холодной решимости.

Она остановилась посреди огромного кабинета, не делая ни шагу навстречу, и бросила прямо мне в лицо:

— Я пришла, Воронцов. Называй свою цену.

Я медленно обошел стол, чувствуя, как внутри просыпается древний, безжалостный инстинкт охотника.

— Боюсь, Алина, у тебя не хватит денег, чтобы расплатиться со мной, — тихо произнес я, сокращая дистанцию между нами. — Но у тебя есть кое-что другое. То, что мне нужно гораздо больше.

Глава 3. Сделка с дьяволом

Алина

Огромный кабинет на шестьдесят пятом этаже давил своей ледяной, стерильной роскошью. Черный мрамор, темное стекло, панорамные окна во всю стену, за которыми в ноябрьской мгле переливалась огнями ночная Москва. Здесь всё кричало об абсолютной власти одного человека.

И этот человек сейчас медленно шел ко мне, не сводя с меня тяжелого, оценивающего взгляда серых глаз.

Демьян Воронцов снял пиджак и расстегнул верхнюю пуговицу белоснежной рубашки, закатив рукава до локтей. Без официальной брони он выглядел еще опаснее — мощные предплечья, широкая грудь, хищная пластика движений. От него исходила такая плотная волна мужской силы и подавляющего авторитета, что воздух в кабинете словно наэлектризовался.

Я заставила себя не отступать ни на шаг, хотя каждый инстинкт кричал бежать отсюда без оглядки.

— Присядь, Алина, — негромко произнес он, останавливаясь в паре шагов от меня и указывая рукой на кожаное кресло у журнального столика. — Разговор будет долгим.

— Я постою, — отрезала я, скрестив руки на груди. — У меня нет желания рассиживаться в логове человека, который свел моего отца в могилу. Говори, чего ты хочешь за дом в Барвихе, и я уйду.

Уголок его губ дрогнул в жесткой усмешке. Он не стал садиться сам. Вместо этого подошел к бару, плеснул в стакан янтарной жидкости и повернулся ко мне, прислонившись бедром к краю массивного стола.

— Твой отец сам загнал себя в угол, Алина, — холодно сказал Демьян. — Он ввязался в тендеры, которые не мог потянуть, набрал кредитов под залог всего имущества и проиграл. В большом бизнесе слабых не жалеют. Я просто забрал то, что плохо лежало.

— Ты искусственно обрушил его акции! Ты подкупил его подрядчиков! — мой голос сорвался на звенящий шепот, в груди вспыхнула обжигающая боль. — Не смей читать мне лекции о честном бизнесе, Воронцов. У тебя руки по локоть в грязи!

В его глазах на долю секунды сверкнул опасный стальной блеск, но он мгновенно взял себя в руки.

— Думай как хочешь. Мне плевать на твои моральные оценки, — он сделал глоток и поставил стакан на стол с глухим стуком. — Перейдем к делу. Дом в Барвихе и квартира на Патриарших останутся твоими. Более того, я полностью спишу все четыре миллиарда долга компании твоего отца.

Я замерла, недоверчиво щурясь. В груди похолодело. Демьян Воронцов не из тех, кто раздает миллиарды за красивые глаза.

— И что ты потребуешь взамен? Я не собираюсь становиться твоей любовницей, даже не мечтай.

Демьян тихо рассмеялся — низким, бархатным смехом, от которого по позвоночнику пробежала предательская дрожь.

— Любовницей? — он медленно двинулся ко мне, сокращая расстояние до критического минимума. Я чувствовала исходящий от него жар, запах дорогого парфюма и терпкого виски. — Ты слишком высокого мнения о своей привлекательности, Савина. Хотя не скрою — внешность у тебя подходящая. Но мне нужна не любовница.

Он остановился вплотную ко мне. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

— Ты станешь моей женой, Алина. Официально. В ЗАГСе. И проживешь в моем доме ровно один год.

В кабинете повисла мертвая тишина. Я моргнула, пытаясь осознать услышанное, а затем коротко, нервно рассмеялась:

— Ты сошел с ума? Какой брак?! Зачем тебе, миллиардеру, жениться на дочери разоренного врага?! Это какая-то изощренная форма издевательства?

— У меня есть свои причины, которые тебя не касаются, — ледяным тоном отчеканил Демьян. — На публике ты будешь играть роль любящей, преданной супруги. Никаких скандалов, никаких любовников, полное подчинение правилам моей семьи. Через двенадцать месяцев мы тихо разведемся, ты получишь свои дома и щедрые отступные, и мы забудем о существовании друг друга.

Меня затрясло от унижения и ярости. Он говорил обо мне как о племенной кобыле или очередном активе, который нужно поставить на баланс на один год.

— Да пошел ты к черту со своими миллиардами, Воронцов! — выдохнула я, чувствуя, как к лицу приливает кровь. — Лучше я буду жить в съемной комнатушке на окраине Москвы, чем проведу хотя бы одну ночь под одной крышей с таким чудовищем, как ты! Подавись нашим домом!

Я резко развернулась, собираясь уйти, но стальные пальцы мгновенно перехватили мое запястье.

Демьян дернул меня на себя так резко, что я ударилась грудью о его твердую, как камень, грудную клетку. Его вторая рука легла мне на талию, прижимая к себе вплотную, лишая возможности даже вдохнуть свободно. От его прикосновения сквозь тонкий шелк платья по телу прокатилась обжигающая волна, от которой закружилась голова.

— Я не закончил, — прорычал он прямо мне в губы. Его серые глаза потемнели до цвета мокрого асфальта, в них плясали опасные искры. — Ты думаешь, на кону стоит только твой комфорт? А как насчет твоего младшего брата?

Сердце рухнуло куда-то в ледяную пропасть.

— Не смей трогать Тима... — прошептала я, чувствуя, как холодеют пальцы. — Он ни при чем! Ему всего девятнадцать!

— Вчера вечером патруль ДПС остановил машину твоего братца на Кутузовском проспекте, — тихо, с пугающим спокойствием произнес Демьян, не разжимая объятий. Его взгляд скользнул по моим побелевшим губам. — В багажнике нашли полкилограмма запрещенных веществ, Алина. Особо крупный размер. Прямо сейчас дело лежит на столе у следователя. Завтра утром Тимура закроют в СИЗО. Минимум на восемь лет.

Я задохнулась от ужаса. В ушах зашумело, стены кабинета качнулись.

— Это подстава! Тим даже не курит! Это твоих рук дело, тварь!

— Неважно, чьих это рук дело, — жестко отрезал он. — Важно то, что только один мой звонок может уничтожить это дело до полуночи. И только твоя подпись в ЗАГСе спасет твоего брата от тюрьмы, где его сломают за первую же неделю.

Ненависть в моей груди достигла точки кипения. Я вырвала правую руку из его захвата и со всего размаху влепила ему звонкую, хлесткую пощечину.

Звук удара эхом разнесся по огромному кабинету.

Голова Демьяна едва заметно дернулась в сторону. На его смуглой скуле тут же проступил красный след от моих пальцев.

Я замерла, тяжело дыша, ожидая чего угодно — крика, удара в ответ, того, что он выбросит меня за дверь.

Но Демьян медленно повернул голову обратно. В его глазах не было гнева. Там вспыхнул такой темный, хищный, обжигающий голод, что у меня подкосились колени. Он провел языком по нижней губе, словно пробуя вкус моей ярости, и еще сильнее вжал меня в свое тело.

— Хороший удар, жена, — хрипло выдохнул он, склоняясь к самому моему уху, обжигая кожу горячим шепотом. — Запомни его. Потому что каждую такую выходку ты будешь отрабатывать. И поверь мне, Алина... тебе это понравится.

Он резко отпустил меня, сделал шаг назад и кивнул на массивный дубовый стол, где уже лежали распечатанные листы брачного контракта и тяжелая перьевая ручка.

— У тебя три минуты, чтобы подписать. Иначе я звоню следователю.

Я стояла посреди кабинета, чувствуя, как по щеке впервые за этот страшный день скатилась горячая слеза бессилия. В груди все горело от его прикосновений, а в голове билась только одна мысль: я спасу Тима. Чего бы мне это ни стоило.

Я подошла к столу, взяла холодную ручку дрожащими пальцами и, глядя прямо в стальные глаза своего будущего мужа, размашисто поставила подпись на каждой странице.

— Свадьба в пятницу, — ледяным тоном бросил Демьян, забирая документы и доставая телефон. — А теперь убирайся. Завтра в десять за тобой заедет мой водитель.

Я вышла из башни «Федерация» в холодную московскую ночь, чувствуя, что только что продала душу дьяволу. Но в глубине души уже рождался холодный, безжалостный план. Он хочет получить покорную жену? Он получит войну в собственной спальне.

Глава 4. Брачный контракт

Алина

Ровно в десять утра у кованых ворот нашего дома в Барвихе бесшумно затормозил черный «Майбах» с тонированными стеклами.

Я спустилась по мраморным ступеням крыльца, плотнее запахивая кашемировое пальто. Ночь прошла без сна — я до рассвета сидела в кабинете отца, пытаясь найти хоть какие-то зацепки в его бумагах, но сейф оказался пуст. Воронцов вычистил всё до последней бумажки еще до того, как остановилось сердце папы.

Перед уходом я заглянула в комнату Тима. Брат спал, уткнувшись лицом в подушку — впервые за неделю его лицо выглядело спокойным. Вчера поздно вечером ему позвонил адвокат и сообщил, что дело закрыто «за отсутствием состава преступления», а машина уже стоит на парковке у дома. Демьян сдержал слово. И от этого становилось еще страшнее: человек, способный за час сломать государственную машину, способен на всё.

Водитель в строгом костюме молча открыл передо мной заднюю дверь. В салоне пахло кожей и тем самым терпким мужским парфюмом, от которого у меня до сих пор сводило скулы.

Спустя сорок минут скоростной лифт башни «Федерация» снова вознес меня на шестьдесят пятый этаж.

В кабинете Демьяна на этот раз было двое. Сам Воронцов стоял у панорамного окна, глядя на затянутую серым туманом Москву, а за длинным столом для переговоров сидел сухопарый мужчина лет пятидесяти в очках без оправы.

— Проходи, Алина, — не оборачиваясь, бросил Демьян. Его низкий, бархатный голос мгновенно отозвался неприятной дрожью где-то внизу живота. — Знакомься, это Виктор Сергеевич, старший юрист «Воронцов-Групп». Он ознакомит тебя с деталями нашего соглашения.

Я молча прошла к столу, отказавшись от предложенного кресла. Сесть сейчас — значило показать, что я принимаю их правила.

Юрист прокашлялся, поправил очки и раскрыл толстую папку в кожаном переплете.

— Согласно пункту первому, брак заключается сроком на двенадцать календарных месяцев с момента государственной регистрации, — монотонным, безжизненным голосом начал он. — В течение этого времени супруга обязуется проживать на территории резиденции супруга в поселке Жуковка.

— В одном доме? — я перевела ледяной взгляд на спину Демьяна. — Мы договаривались о формальности. У меня есть свой дом.

— У твоей семьи больше нет своего дома, — Демьян медленно повернулся. На нем была черная водолазка, плотно обтягивающая широкие плечи и рельефные мышцы груди, и строгие брюки. Без галстука и пиджака он выглядел еще более хищным и опасным. — Долги твоего отца переписаны на холдинг. Дом в Барвихе и квартира на Патриарших перейдут в твою полную собственность ровно через год. В день нашего развода. Продолжайте, Виктор Сергеевич.

Я сжала зубы так сильно, что заныли виски. Он привязал меня на короткий поводок, не оставив ни единой лазейки.

— Пункт четвертый, — продолжил юрист, не поднимая глаз. — На протяжении всего срока действия контракта супруга обязуется сопровождать супруга на всех официальных приемах, благотворительных вечерах и деловых ужинах, демонстрируя безупречную репутацию и гармонию в отношениях. Пункт пятый: супруге категорически запрещается вступать в любые романтические или интимные связи на стороне, а также компрометировать фамилию Воронцовых в прессе и социальных сетях.

— А как насчет супруга? — язвительно усмехнулась я, скрестив руки на груди. — Ему, полагаю, разрешено таскать своих моделей прямо в нашу общую резиденцию?

В кабинете повисла звенящая тишина. Юрист замер с занесенной над листом ручкой, бросив испуганный взгляд на босса.

Демьян медленно пошел ко мне. Его серые глаза потемнели, превратившись в два куска холодной стали.

— В моем доме не будет посторонних женщин, Алина, — тихо, с пугающей четкостью произнес он, останавливаясь в шаге от меня. — Пока ты носишь мою фамилию, я не дам повода усомниться в нашем браке. Но того же я требую и от тебя. Нарушишь хоть один пункт — твой брат снова окажется в камере, а ты останешься на улице без копейки. Тебе всё ясно?

— Более чем. Где расписаться?

— На последней странице. Виктор Сергеевич, оставьте нас на пять минут.

Юрист мгновенно подхватил свой портфель и буквально выскользнул за дверь, оставив нас наедине.

Я наклонилась над столом, чувствуя, как от злости дрожат пальцы, взяла ручку и быстро поставила подпись внизу листа. Выпрямившись, я собралась развернуться и уйти, но Демьян преградил мне путь.

Он сделал шаг вперед, загоняя меня спиной к самому краю панорамного окна. Холодное стекло обожгло лопатки сквозь тонкую ткань блузки, а спереди на меня надвигалась стена обжигающего мужского жара.

— Куда ты так спешишь, невеста? — хрипло прошептал Демьян, упираясь ладонью в стекло прямо над моим плечом и нависая надо мной так близко, что я видела каждую ресницу вокруг его пронзительных глаз. — Мы еще не обсудили самый важный пункт. Тот, который юристам знать необязательно.

— Убери руку, Воронцов, — прошипела я, упираясь ладонями ему в грудь. Под тонким кашемиром водолазки ощущались твердые, напряженные мышцы и ровный, мощный стук его сердца. — В контракте ни слова не сказано о постели. Я не собираюсь...

— А я похож на мужчину, которому нужно заставлять женщину? — угол его губ дернулся в опасной, хищной усмешке. Его свободная рука медленно скользнула по моей талии, прижимая меня к себе так плотно, что я почувствовала всю его мужскую силу и тяжесть. От этого контакта по позвоночнику прокатился разряд тока, заставив дыхание сбиться. — Мне не нужна холодная кукла в постели, Алина. Мне нужна ты. Живая. Злая. Настоящая.

— Никогда, — выдохнула я, хотя сердце колотилось как бешеное, а внизу живота разливалось предательское, тягучее тепло. — Я скорее сдохну, чем позволю тебе прикоснуться ко мне.

Демьян наклонился еще ниже. Его губы почти коснулись моего уха, обжигая кожу горячим дыханием.

— Запомни эти слова, Савина, — прошептал он низким, вибрирующим голосом, от которого закружилась голова. — Потому что совсем скоро ты сама придешь в мою спальню. И будешь умолять меня не останавливаться.

Его пальцы на мгновение сильнее сжали мою талию, затем он резко отстранился, словно ничего не произошло, и снова надел маску ледяного хозяина империи.

— Через десять минут внизу тебя ждет машина. Поедешь с моим помощником в бутик — выберешь платье для пятницы. И постарайся не выглядеть как на похоронах, жена.

Он развернулся и пошел к своему столу, оставив меня стоять у окна с бешено колотящимся сердцем и горящими щеками. Я смотрела ему в спину, сжимая кулаки до боли в ногтях, и понимала только одно: этот год станет для нас обоих настоящим адом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.